

К ТВОИМ НОГАМ Я БРОШУ
ВСЮ ИМПЕРИЮ

Королевы и МОНСТРЫ: Клятва

18+

ДЖ. Т. ГАЙСИНГЕР

Дж. Т. Гайсингер
Королевы и монстры. Клятва
Серия «Modern Love. Новый
формат. Хиты Дж. Т. Гайсингер»
Серия «Королевы и монстры», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74610656
Королевы и монстры: Клятва: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-254572-6*

Аннотация

Если этот заносчивый ирландский мафиози думает, что я буду ему мило улыбаться, – пусть подумает ещё раз. Да, мой брат продал ему мою племянницу. Договорной брак, все дела. Вот только лично мне плевать, что этот союз с мафией сделает моего брата капо Пяти Семей.

Мне плевать, сколько денег, территорий или власти это нам принесёт.

И мне плевать, что этот ирландец – самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо видела. Я не позволю моей невинной племяннице страдать так же, как страдала я.

Даже если мне придётся его убить.

Содержание

Плейлист	6
1. Рей	7
2. Паук	22
3. Рей	39
4. Паук	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дж. Т. Гайсингер Королевы и монстры: Клятва

J. T. Geissinger

BRUTAL VOWS (Queens & Monsters #4)

Text Copyright: © 2022 by J. T. Geissinger, Inc.

All Rights Reserved

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© jaymadison / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com /
FOTODOM

В дизайне внутреннего блока использованы элементы
оформления:

© mdfruk / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com /
FOTODOM

Cover design by Lori Jackson Design

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «ЭКСМО», 2026

* * *

Джею, моему «долго и счастливо».

*Иной раз хорошая виселица превращает
плохую женитьбу.*

Уильям Шекспир

Плейлист

- «Enemy» Imagine Dragons
- «Angry Too» Lola Blanc
- «Black Widow» Iggy Azalea
- «Cold Little Heart» Michael Kiwanuka
- «Wicked Games» G-Easy
- «Shivers» Ed Sheeran
- «Woman» Mumford & Sons
- «Fall Into Me» Forest Blakk
- «Mrs.» Leon Bridges
- «The Joker and The Queen» Ed Sheeran/Taylor Swift
- «Him & I» G-Easy & Halsey
- «Kings & Queens» Ava Max

1. Рей

Иногда груз воспоминаний душит своей тяжестью.

Вот сейчас, например. Я стою напротив дубового стола своего брата в его громадном кабинете, обшитом деревянными панелями, и смотрю ему в лицо, пытаюсь не задохнуться из-за стиснувшей мои легкие невидимой руки. В горле у меня застрял камень, а в желудке крутятся комки желчи.

Все это неизбежно происходит каждый раз, когда в моем присутствии произносят слово «брак».

Ни одно матерное слово из трех букв не звучит столь же гадко.

Смутившись под моим взглядом, Джанни упирается в стол. Теревит края коврика для ноутбука, потом оттягивает пальцем воротник строгой белой рубашки.

– Не смотри на меня так. Ты знала, что это случится. Лили уже выросла.

– Ей стукнуло восемнадцать две недели назад! Господи! А как же колледж? Ты обещал подумать об этом.

Мой брат поднимает голову, и мы встречаемся взглядами. У него глаза отца – угольно-черные и безжизненные. Все вокруг считают их – и его самого – жуткими.

Но отца я не боялась, как не боюсь и старшего брата. Если на то пошло, то и никого другого. После того, через что я прошла, сам дьявол может явиться за моей душой, а я скажу

ему поцеловать меня в зад и валить обратно в ад.

Джанни отвечает:

– Нет, это ты настояла на том, чтобы я об этом подумал. И как всегда, раз ответ тебе не понравился, ты его проигнорировала.

Когда я молча смеряю его взглядом, он прибавляет:

– Я проверил его. Он не Энцо.

От звука имени моего покойного мужа меня пробивает дрожь. Болтающаяся в желудке желчь обжигающей струей подступает к горлу. На несколько секунд застываю на месте, стараясь вернуть равновесие. А потом начинаю расхаживать взад-вперед, чтобы удержаться от истерики.

Джанни молча смотрит на меня. Он пробует зайти с другого края:

– Мы получим территории. Торговые пути. Важных союзников, в которых так отчаянно нуждаемся. Этот альянс принесет внушительные деньги. По меньшей мере десятки миллионов. Может быть, тысячи.

– Ты говоришь как сутенер, – бормочу в ответ.

Он только отмахивается.

– Не говоря о том, какое влияние мы приобретем на другие семьи. Ты знаешь, как отчаянно все хотят объединиться с ирландцами. Если мы это провернем, меня окрестят капо. Ставки огромны, Рей. Мы сможем закрепить семейное положение на много поколений вперед.

– Ты постоянно повторяешь «мы» и «нам». Но я не хочу

иметь никакого отношения к продаже в рабство собственной племянницы.

С наигранным терпением он цедит:

– Лили всегда было суждено вступить в выгодный для семьи брак. Ты это знаешь. Она это знает. Все это знают. Это не новость.

– Она еще ребенок, – отрезаю, смотря брату прямо в глаза.

– В восемнадцать она уже взрослая. Ты была на два года младше, когда вышла замуж.

Я с горечью отвечаю:

– Да. И смотри, как все замечательно вышло.

Он морщится.

– Ты унаследовала состояние Энцо. Получила свободу. Я бы сказал, в итоге для тебя все довольно замечательно вышло.

– Ты очень удобно опустил жуткую мясорубку между нашей помолвкой и его смертью.

– Лили – не ты, Рей.

– Нет, она моя племянница. И моя крестная дочь. Милая и умная девочка, какой нет равных. Она не заслуживает выйти замуж за ужасного старого ирландца!

– Он не старый.

– И от него будет разить вареной капустой!

– Гарантирую тебе, что от него ничем таким не пахнет.

– И он точно ненормальный! Мужчина, который хочет жениться на подростке, *должен быть* извращенцем!

Джанни уже явно раздражен и хочет поскорее закончить перепалку. Стараясь не повышать голос, брат отвечает:

– Не думаю, что он из любителей детской порнографии, но сама посудишь. Он будет здесь с минуты на минуту.

Волна отвращения пробегает по телу.

– Он придет сюда?

– Чтобы познакомиться с Лили.

– Сейчас?

– Да.

– Почему ты говоришь мне о брачном контракте за секунду до того, как этот ирландец окажется в нашем доме? – с подозрением спрашиваю я.

Выдержав паузу, он осторожно отвечает:

– Я знаю твой характер. Показалось неплохой идеей дать тебе минимум времени, чтобы ты не начала крушить все вокруг.

Это действительно может быть причиной, но мне прекрасно понятно, что не главной. Маневры моего брата стали для меня предсказуемы.

– Сукин ты сын. Лили до сих пор не знает, да?

Джанни встает из-за стола. Подходит ко мне, пригладив рукой свой пошитый на заказ темно-синий пиджак. Встает напротив и нежно берет за плечи.

– Может, ты ей скажешь?

– Я убью тебя на месте, – безэмоционально говорю я.

Он всматривается в мое лицо, а потом опускает руки и

делает шаг назад.

Умный ход.

– Поэтому я и не говорил тебе раньше. Мне жаль, что этот процесс вызывает у тебя неприятные воспоминания, но он уже запущен. Все условия обсуждены. Ирландцу осталось только познакомиться с Лили. Если она ему понравится, будет подписан контракт и назначена точная дата.

Он не уточняет, что произойдет, если Лили вдруг ему не понравится, но я знаю – будет плохо. Для Джанни даже провал меньшего масштаба непростителен.

– А ее *zia* объяснит ей, что это к лучшему, и что семья всегда на первом месте, и что, если ее муж будет хоть чем-то напоминать Энцо, он тоже окажется жертвой безвременной гибели, – мягко объясняет он. – Тщательно спланированной гибели без свидетелей и улик. Настолько идеально подстроенной «случайной» гибели, что полиция не догадается.

– Я не убивала своего мужа, – немедленно парирую я.

Джанни улыбается.

– В жизни не встречал человека, который бы врал так же хорошо, как ты.

– Это дар.

Его улыбка становится шире.

– Один из многих.

– Хватит меня подмасливать, чтобы я сделала за тебя грязную работу.

– Меня она не слушает, Рей. Ты знаешь, какая она.

– Да, мужчины в этой семье рвут на себе волосы, когда у женщин оказывается своя голова на плечах.

Джанни хочется горестно вздохнуть, но он сдерживается. Он неподвижно стоит и умоляюще смотрит на меня, выжидая, когда я пойду на попятную.

Не то чтобы у меня есть выбор. Как глава семьи Карузо, Джанни вынужден принимать все решения. Однажды во главе одной из пяти криминальных итальянских семей Нью-Йорка встанет женщина. Моя мечта – прожить достаточно долго, чтобы это увидеть. До этого момента все, что я могу, – распространить свое влияние как можно дальше. Помогает то, что брат меня боится.

– Финальное решение буду принимать я. Лили я объясню ситуацию, но, если этот ирландец мне не понравится, сделка отменяется.

Джанни проводит языком по зубам. Наверное, он сейчас считает в голове до десяти или грязно ругается, мечтая, чтобы у него была такая же сестра, как у его лучшего друга Лео. Кроткая, недалекая девочка, не имеющая своего мнения ни по каким вопросам кроме тех, на которые ей указывают отец и брат.

А у него вместо этого – я.

Женщина с плохой репутацией, обозленная на весь мир и с жалом вместо языка.

– Согласен? – наседаю на него я.

– На твой вкус, для нее все недостаточно хороши, – ре-

зонно замечает он. – Мы будем заводить этот разговор снова и снова еще лет двадцать.

– Неправда. Я могу быть разумна.

Он приподнимает бровь.

– Не делай такое лицо. Мне надо удостовериться, что он не монстр.

– Уверяю, он не монстр.

– Энцо тебе тоже когда-то нравился.

Джанни кривится.

– Энцо был социопатом. У таких хорошо выходит прикидываться очаровательными.

– Вот именно. Поэтому последнее слово должно быть за мной. Если кто и может учуять психа за километр, так это я.

С этим он не спорит. Да и как? Это правда. Мне мой монстр-радар тяжело достался.

Джанни так долго глядит на меня с непроницаемым выражением, что мне начинает казаться, будто со мной что-то не так. Но потом он удивляет меня, заявив:

– Ладно. Если тебе не понравится ирландец, свадьба отменяется.

Меня переполняет облегчение. Выдыхая, киваю в ответ.

– Но ты все равно должна сказать Лили.

Услышав хруст гравия под шинами на подъездной дорожке, мы с Джанни поворачиваемся к окну. Он весело прибавляет:

– Видимо, тебе придется поторопиться.

У меня уши горят от злости.

– Ты паршивый отец, Жи.

Он пожимает плечами.

– Это наследственное.

Разворачиваюсь и ухожу, прежде чем успеваю схватить нож для писем с его стола и сделать то, о чем потом пожалею.

* * *

Перепрыгивая через две ступеньки, влетаю на второй этаж. На площадке резко поворачиваю налево, в коридор, в противоположную от собственной спальни сторону. По пути меня провожают взглядом мрачные масляные портреты наших предков в золотых рамах. Не обращая внимания на мелькающие мимо фрески ручной работы, на сверкающие над головой люстры венецианского стекла, на испуганную домработницу, протирающую листья пальмы в кадке, быстро иду к комнате в самом конце.

Нельзя терять ни минуты.

Останавливаюсь напротив массивной дубовой двери и бью в нее кулаком.

– Лили? Это я. Можешь впустить? Нам надо поговорить.

– Погоду секундочку, *zia*! Я... Я сейчас.

Голос Лили из-за двери звучит сдавленно. И напуганно. Может, она уже знает. Моя племянница очень умна для человека, которого всю жизнь прятали от мира.

Из-за двери слышна какая-то возня, потом глухой удар. Обеспокоенно прижимаюсь ухом к двери.

– Лили? Все в порядке?

Через несколько долгих, тихих мгновений моя племянница открывает дверь.

Ее щеки горят. Длинные темные волосы растрепаны. Белая смятая футболка наполовину выбилась из черных штанов для йоги. Босоногая, она выглядит потерянной, будто только что проснулась, хотя сейчас четыре часа дня.

– Извини, ты спала?

– Эм... Занималась.

Через плечо она указывает на телевизор, висящий на противоположной стене. На экране делает прыжки женщина в розовом спандексе.

– Я хотела бы продолжить, если не возражаешь.

Лили уже собирается закрыть дверь, но я протискиваюсь в комнату.

– Это срочно.

В ее спальне перебор с декором, как и в остальном доме. Нет ни сантиметра свободного пространства, где мог бы отдохнуть глаз: повсюду бархат, позолота, зеркала, пестрые обои, деревянная резьба и витражи. Но здесь хотя бы преобладают приглушенные розовые и зеленые тона. Моя спальня – это нагромождение черного, бордового и золотого. Выглядит как бордель в Ватикане.

Покойная жена Джанни была большой поклонницей ка-

толической школы дизайна. Она умерла, рожая Лили, но ее уникальный вкус в интерьере остался с нами навсегда.

Хватаю пульт с комода, нажимаю на кнопку и ставлю телевизор на беззвучный. Потом снова поворачиваюсь к Лили. Она стоит на том же самом месте и явно нервничает.

– Что такое, *zia*?

– Аккуратно сформулировать это нельзя, так что я просто скажу.

Когда она начинает заламывать руки, я говорю:

– Наверное, тебе лучше присесть.

– О господи. Кто умер? Это бабуля?

– С бабушкой все в порядке. Она заключила сделку с дьяволом, чтобы перед смертью своим характером свести в могилу всех нас. А теперь послушай, у нас не так много времени...

Подхожу к ней, беру ее руки в свои и заглядываю в глаза:

– Я должна тебе кое-что сказать. Тебе это не понравится.

Ее лицо бледнеет.

– О, черт.

– Да. И ты знаешь, как я отношусь к ругательствам.

– Судя по твоему лицу, в ближайшие несколько минут они не остановятся.

– В точку.

– Да ты же сама все время ругаешься.

– Не хочу, чтобы ты стала похожа на меня.

– Почему? Ты дикая стерва.

– Именно.

– Нет, *zia*, быть дикой стервой – это хорошо.

– А. Спасибо. Наверное. Вернемся к тому, что я должна тебе сказать. Ты готова?

– Нет. Но говори.

Ободряюще сжимаю ей пальцы, прежде чем выпалить:

– Твой отец устроил тебе договорной брак. Ты встречаешься с ним сегодня. То есть сейчас. Его машина только что подъехала.

Лили замирает. Сглатывает. Помимо этого, никакой реакции не следует.

– Ты восприняла это лучше, чем я ожидала. Храбрая девочка. Это были плохие новости. Хорошие новости заключаются в том, что, если я не одобрю его выбор, договор расторгается.

Она закрывает глаза, выдыхает и тихо произносит:

– Туевы хучи кошачьих как!

– Очень изобретательно. Что-нибудь еще?

Она открывает глаза и с ужасом смотрит на меня, до боли стиснув мне руки.

– Я не хочу выходить замуж, *zia*!

– Конечно. Ты же в своем уме.

Ее голос срывается.

– Нет, я хочу сказать, что я *не могу* выйти замуж!

Лили резко отпускает мои руки, пересекает комнату и с независимым видом встает у большого деревянного шкафа

рядом с постелью.

Это гигантский антикварный гардероб от пола до потолка, выполненный из блестящего резного красного дерева. Он всегда напоминал мне магический шкаф из «Хроник Нарнии», который может перенести тебя в страну говорящих зверей и мифических существ.

Она упирает руки в бока и с жаром заявляет:

– Я скорее умру, чем выйду замуж за нелюбимого!

Из шкафа раздается отчетливый стук, как будто на пол упало тело.

За этим следует тишина.

Я гляжу на свою племянницу. Она смотрит на меня в ответ – ее обычно добрые карие глаза мятежно горят.

Я тихо говорю:

– Лили?

– Да?

– Что это был за звук?

Она приподнимает подбородок и складывает руки на груди.

– Какой звук?

Рассматриваю внимательнее ее спутанные волосы, съехавшую футболку, босые ноги, бунтарское выражение и нутром чувую, что назревает серьезная проблема.

Широкими шагами пересекаю комнату и подхожу к шкафу. Лили тщетно пытается меня остановить, с мольбами прижавшись спиной к дверцам, но я отодвигаю ее в сторону

и распахиваю их.

И оказываюсь лицом к лицу с молодым человеком. *Прячущимся* внутри, между норковой шубкой и вечерним платьем, расшитым жемчугом. Он шарахается назад и изо всех сил вдавливается в стену.

Надо отдать ей должное, передо мной красавчик. Влажные карие глаза, полные губы и грудная клетка, которую хоть сейчас ставь на обложку журнала: паренек бесспорно привлекательный. На нем нет ничего, кроме пары белых трусов, в которых отчетливо видна его эрекция. Ему нельзя дать больше восемнадцати.

Медленно закрываю дверь и поворачиваюсь к Лили.

Она стоит, сложив руки на груди, закусив обе губы и опустив плечи. Если бы у нее был хвост, она бы спрятала его между ног.

– Ты знаешь, что будет, если твой отец об этом узнает, – тихо напоминаю ей.

Просто кивает в ответ. Сейчас ей бессмысленно спорить.

Но это нужно сказать. Слова приобретают определенный вес, когда произносятся вслух.

– Он убьет его, Лили. Кем бы ни был этот парень в твоём шкафу, его ждет смерть. Медленная. Мучительная. И, скорее всего, тебя заставят смотреть.

Глаза Лили наливаются слезами. Она вновь кивает и громко сглатывает; лицо искажено от боли.

– Я знаю, – шепчет моя племянница.

За нее у меня сердце разрывается. Дурочка! Молодая, безрассудная дурочка, но я ее полностью понимаю.

Когда-то я тоже была молодой. У меня тоже были мечты. Свои стремления и желания, и огромное необъятное будущее, раскинувшееся передо мной как золотая, сияющая греза.

Пока все грезы не были уничтожены холодной, смертоносной тяжестью обручального кольца.

Обнимаю ее, прижимаю к себе и глажу по спине.

– Не знаю, как тебе удалось его сюда провести, – шепчу ей на ухо, – но постарайся, чтобы никто не увидел, как ты его выводишь. Я могу выиграть тебе десять минут, пятнадцать, не больше. Встретимся в кабинете твоего отца. Надень голубое платье, с жемчужными пуговицами. Улыбайся и будь милой. Остальное предоставь мне. Договорились?

Она кивает и всхлипывает.

– Договорились. Спасибо, *zia*.

Услышав голоса, доносящиеся из внутреннего двора, отпускаю Лили и кидаюсь к окну. Отдвигаю занавески и выглядываю наружу.

Внизу у фонтана припаркован черный «Эскалейд». Двое вооруженных охранников моего брата стоят в паре метров от незнакомца.

Он огромный, с грудью колесом – наверное, крупнее обоих охранников. Но с дружелюбной улыбкой и манерами. Закованный в черный костюм и блестящие черные туфли, он

производит весьма внушительное впечатление.

Охранники и мужчина продолжают разговаривать. Один из охранников досматривает его в поиске оружия, затем все трое кивают. Охрана отходит, водитель огибает машину и открывает пассажирскую дверь, и из автомобиля выходит еще один мужчина в облегающем черном костюме.

У меня перехватывает дух.

Этот мужчина стройнее предыдущего. Такой же высокий и широкоплечий, но не такой коренастый. Квотербек рядом с линейным защитником.

У него темно-золотистые волосы. Они слегка неопрятно уложены, будто он разглаживал их пятерней вместо расчески. Борода, покрывающая квадратную челюсть, еще на оттенок темнее – ближе к бронзе. В одной из ноздрей пирсинг в виде маленького металлического колечка.

Он невероятно красив. Наполовину аристократ, наполовину уличный боец со сбитыми костяшками, он испускает свирепую, грубую энергию, безошибочно угадываемую издалека.

Из-под накрахмаленного воротника его строгой белой рубашки отчетливо виднеется татуировка с паутиной.

Мужчина поднимает глаза к окну и замечает меня.

Наши взгляды встречаются.

Мое сердце замирает.

Тут же с мрачной уверенностью я осознаю, что смотрю в глаза человека, который разорвет нашу семью в клочья.

2. Паук

Мне удастся лишь мельком взглянуть на женщину в окне, прежде чем она исчезает за опустившейся шторой. Но ее образ остается выжжен у меня на сетчатке.

Темные волосы, алые губы, оливковая кожа.

Черное платье с глубоким вырезом.

Бездонное декольте.

И глаза, блестящие серебром на полуденном солнце, как монетки на счастье в глубоком колодце.

Это не может быть Лилиана – та девочка, с которой я приехал знакомиться. Я видел ее фотографии. У нее милое, невинное лицо. Застенчивая, славная улыбка.

Женщина в окне выглядела так, будто улыбается только когда режет кому-то глотку.

Украдкой от вооруженных охранников спрашиваю Кирана на гэльском:

– Я думал, мать девочки умерла?

Стоящий позади Киран смотрит в темное окно, вторя направлению моего взгляда.

– Ну да. А что?

– А кто еще здесь живет?

– Не в курсе. Судя по размеру домища, наверное, человек тысяча, – Киран пожимает плечами в ответ.

Она не прислуга, это точно. В этих сверкающих глазах не

было ни намек на услужливость. Она скорее похожа на военачальника, ведущего солдат в бой.

– Сюда, – говорит ближайший ко мне охранник. Он кивает в сторону арки в кирпичной стене, ведущей во внутренний двор.

Отбросив мысли о загадочной женщине, застегиваю пуговицы пиджака и следую за охранником, в то время как другой идет позади нас с Кираном. Нас ведут сквозь роскошный сад к огромным резным дубовым дверям, по обеим сторонам которых возвышаются мраморные колонны.

Над нами нависает громада поместья: три бескрайних этажа из бежевого известняка с изящными балюстрадами и причудливыми коваными балкончиками, наверху – две статуи римских центурионов, вззирающих на нас с выступов под красной черепичной крышей.

В центральном фойе убранство еще более пафосно. Голые херувимчики резвятся с сатирами и лесными нимфами на ярких настенных фресках. Вместо одной хрустальной люстры под потолком – три. Полы – из черного мрамора, мебель красного дерева блестит резными краями, а от ослепительного калейдоскопа витражных окон слезятся глаза.

Киран чуть слышно шепчет:

– Иисус, Мария и Иосиф! Выглядит так, будто здесь вывернуло Либераче¹!

¹ Владзю Валентино Либераче (1919–1987), более известный как Либераче – американский пианист, певец и шоумен. Известен виртуозной техникой игры на

Он прав, это просто кошмар.

Мне приходится приложить усилие, чтобы не развернуться и не уйти.

– О, мистер Куинн!

Оборачиваюсь на звук голоса. Ко мне идет мужчина, раскинув руки в дружеском приветствии.

Он подтянутый, среднего роста, ему около сорока. Его темные волосы густо напояжены. В темно-синем костюме в тонкую полоску, который, очевидно, пошит на заказ, сатиновом голубом галстуке с бриллиантовой булавкой, увесистых часах с бриллиантами и золотых перстнях на обеих мизинцах он просто источает богатство, статус и власть. Запах его одеколона достигает меня раньше его самого. Его улыбка ослепляет.

Неизвестный сходу мне не нравится.

– Мистер Карузо, верно?

Обеими руками мужчина хватает мою и энергично встряхивает, как политик, борющийся за мой голос на выборах.

– Приятно с вами наконец-то познакомиться. Добро пожаловать в мой дом.

– Спасибо. Взаимно.

Он не прекращает скалиться и пожимать мне руку. Еще десять секунд этого дерьма, и я выбью его зубы из рекламы жвачки.

– Это мой помощник, мистер Бирн.

Я высвобождаю руку из его мертвой хватки и указываю на Кирана, который учтиво кланяется.

– Сэр.

– Мистер Бирн, добро пожаловать. И пожалуйста, вы оба можете звать меня Джанни. Я бы хотел, чтобы мы все обращались друг к другу по имени, как вы думаете?

Лучшие захлебнись кислотой, дровича.

Киран вежливо представляется. Я не произношу ни слова. Следует неловкая пауза, в течение которой Карузо ждет ответа, затем он понимает намек и предлагает пройти в его кабинет, чтобы пообщаться приватно.

После изнурительного марафона по длинным гулким коридорам мы заходим в кабинет. Он, наверное, больше юридической библиотеки Нотр-Дама. Мы садимся напротив Карузо в настолько неудобные кресла, что их, похоже, создавал настоящий садист.

Не пробыв тут и десяти минут, уже жалею об этой дерьмовой затее.

Пока в дверь не заходит она.

Темные волосы, алые губы, оливковая кожа.

Черное платье с глубоким вырезом.

Бездонное декольте.

И длинные ноги, и стройная фигура – все, что способно превратить любого мужчину в похотливого дурачка. Если только он не успеет превратиться в камень под ее ледяным взглядом.

Никогда не доводилось видеть сексуальную серийную убийцу, но она бы наверняка выглядела именно так.

– Мистер Куинн, Киран, – говорит Карузо, указывая на нас по очереди, – это моя сестра, Рейна.

Не успев даже подумать об этом, машинально встаю на ноги. Киран тоже поднимается, бормоча любезности.

Рейна отвечает на его приветствия и улыбается. Но когда взгляд останавливается на мне, ее улыбка тает. Хладнокровно глядя мне прямо в глаза, она произносит:

– Добрый день, мистер Куинн.

Звучит как: «я съем твою селезенку на ужин».

Не знаю, стоит ли мне рассмеяться или спросить, в чем ее чертова проблема, но вместо этого непринужденно здороваюсь.

– И вам добрый день, мисс Карузо.

Мой взгляд падает на ее безымянный палец. На нем набита татуировка в виде кольца – полоска текста таким мелким курсивом, что я не могу разобрать.

– Или миссис?..

Вновь смотрю ей в лицо и вижу, как каменный взгляд превращается в кипящую лаву. Он способен расплавить сталь. Никогда не видел такой жгучей, неизъяснимой ярости. По сравнению с ним пылающие огненные озера в самых мрачных глубинах ада выглядят уютными ваннами с пузырьками.

Весь пыл ненависти, которым она меня испепеляет, направляется прямиком к моему члену, пульсирующему от

возбуждения. Как обычно. Засранцу вечно хочется того, что нельзя.

Когда она не отвечает на мой вопрос настолько долго, что всем становится некомфортно, за нее отвечает брат:

– Моя сестра вдова.

– Сочувствую вашей потере.

Огонь в ее глазах леденеет, будто выключили рубильник.

– Спасибо.

Она отворачивается и, выпрямив спину, идет к окну за столом своего брата. Сложив руки на груди, окидывает дворик пронизывающим холодным взглядом. Удивительно, что оконные рамы не трескаются от ее морозного присутствия.

Мы перекидываемся с Кираном взглядами, затем снова присаживаемся.

– Могу я предложить вам выпить, джентльмены? – спрашивает Карузо.

Мой напарник отказывается. А мне не мешает жидкое подкрепление, чтобы пережить эту встречу, так что соглашаюсь. Карузо извлекает из нижнего ящика стола два резных бокала и графин с рубиновой жидкостью, которую я принимаю за вино. Но когда я набираю полный рот горького дерьма, становится слишком поздно. Оно насквозь прожигает трахею, по пути подпалив волосы в носу.

Мафиозо напротив выжидающе и зубасто мне улыбается.

– Это кампари. Пробовали его раньше?

В ответ удается лишь покачать головой. Если попытаюсь

заговорить, меня вырвет.

Рейна кидает на меня взгляд через плечо. Заметив отражение на моем лице, сердцеедка быстро отворачивается к окну, но не раньше, чем успевает спрятать легкую удовлетворенную улыбку.

Может, сжечь этот чертов дом после женитьбы на дочке? Соседи точно скажут мне спасибо.

Карузо продолжает болтать про кампари, как оно популярно в Италии, и бла-бла-бла, но я перебиваю его и спрашиваю, когда мне дадут увидеть Лилиану.

– О. Да. Лилиана.

На секунду он теряется, как будто забыл, зачем мы собрались. Но сразу берет себя в руки и вновь наклеивает самодовольную ухмылку.

– Она сейчас спустится.

Затем слегка поворачивает голову в сторону Рейны, чтобы та подтвердила. Она коротко кивает, не проронив ни слова.

В своей елейной политиканской манере Карузо продолжает:

– А пока, мистер Куинн, воспользуюсь моментом выразить огромную благодарность вам и мистеру О'Доннеллу за визит. Мне не терпится узнать вас обоих поближе, раз уж мы объединяем наши семейства...

– Давайте не будем торопить события, – прерываю его я, ставя бокал с отвратительной жижей на стол. – У нас будет масса времени обсудить будущее после того, как я встречусь

с вашей дочерью. А на данный момент договор еще не подписан.

– Да, конечно, – покорно отвечает он. – Прошу прощения.

Рейна снова отворачивается от окна, на этот раз, чтобы кинуть на него гневный взгляд немом осуждения. В ее глазах он ведет себя как слабак. В своем собственном доме к тому же.

Она права.

Поднимаюсь со стула, не сводя с нее глаз.

– На самом деле сперва бы я хотел недолго переговорить с вашей сестрой. Наедине.

Карузо будто пугает эта просьба.

Рейна выглядит так, будто пытается вспомнить, где у них поблизости лежит тесак, чтобы загнать мне его в череп.

Понятия не имею, почему мое присутствие вызывает в этой женщине столько ненависти, но это начинает раздражать. Вне зависимости от того, что думает о ней мой член, она меня бесит.

Киран встает, понимая, что моя просьба будет удовлетворена. Карузо следует его примеру, бросая встревоженный взгляд в сторону Рейны.

– Разумеется. Мы дадим вам время. Киран, почему бы вам не взглянуть на нашу коллекцию яиц Фаберже?

Киран невозмутимо отвечает:

– Лучше идеи и не придумать, дружище.

Они уходят. Как только дверь за ними закрывается, я об-

ращаюсь к Рейне:

– Так. Очевидно, тебе есть что мне сказать. Говори.

Она отворачивается от окна и хлопает ресницами.

– Извините, я совершенно не понимаю, о чем вы.

Ее пальцы мягко гладят ключицы. Ее глаза удивленно распахнуты. Само воплощение невинности. Устав, что мне срут в уши, говорю:

– Слишком поздно, женщина. Я уже увидел болотную ведьму, которую ты пытаешься скрыть под своим кожаным человеческим костюмом.

– Прошу *прощения*?

– Ты не настолько хорошая актриса, как считаешь.

Минуту она испепеляет меня молчанием, затем ледяным тоном произносит:

– Во-первых, не называй меня женщиной, как будто это пейоратив. Это не так. Во-вторых, если тебе не хватает образования, чтобы понять слово «пейоратив», обратись к своей шестерке. Кажется, он когда-то мог прочесть пару книжек. В-третьих...

– Еще долго? Меня ждет встреча.

Ее ноздри раздуваются. Губы сжимаются. Тело дрожит от бессильного гнева, и, кажется, это начинает меня забавлять.

Рейна продолжает цедить сквозь зубы:

– В-третьих, мне абсолютно нечего тебе сказать.

– Нет?

Позволяю своему взгляду неторопливо пройти по всему

ее телу сверху вниз, любуясь каждым опасным изгибом:

– Потому что я чертовски уверен, что есть.

Видно, как ей еле удастся собрать волю в кулак, чтобы придержать желчь, жгущую ей язык. Она приглаживает рукой темные волосы, расправляет плечи и выдавливает из себя натянутую улыбку.

– Если ты настаиваешь.

– Настаиваю.

– Но это будет не слишком приятно.

– Сомневаюсь, что ты способна выдать что-то приятное, ехидна ты маленькая.

Ее глаза вспыхивают.

– Оскорбления в мой адрес тебе тут не помогут.

– Не мне тут нужна помощь.

От злости ее щеки пунцовеют.

– Зачем ты меня задеваешь?

– Потому что ты лучше, чем твой брат, – говорю я, выдержав ее свирепый взгляд. – Тебе не надо прикидываться той, кем ты не являешься. А теперь поговори со мной. Мне нужно понять, почему ты так злишься, а от него правды не дождешься.

Моя прямолинейность вкупе с неожиданным комплиментом застают ее врасплох. Ни того, ни другого она явно не ожидала. Кажется, обычно ей удается предвидеть практически все, так что мне это льстит.

Рейна не собирается нарушать тишину, так что я выдвиг

гаю предположение:

– Тебе не нравится, что я ирландец.

– Я не такая узколобая и предвзятая, чтобы судить о людях по месту рождения, – резко отрезает она.

Интонация в ее голосе настолько убедительна, что сложно поверить в обратное. Ее действительно оскорбило такое допущение. Что удивительно, ведь большинство из ее родни скорее бы сгорело заживо, прежде чем сойтись с ирландцем. Наши семьи могут сотрудничать, когда это удобно, но не переносить друг друга на дух – дело чести для обеих сторон.

– А в чем же тогда дело?

В попытке найти подвох она молча смеряет меня взглядом. Потом тяжело качает головой.

– Ты знаешь, что я никак не могу быть с тобой честна. Это слишком рискованно для моей семьи.

– Для твоей семьи слишком рискованно, если ты не будешь со мной честна.

– Почему это?

– Я уйду отсюда, не познакомившись с Лилианой, и даже не оглянусь. В Коза Ностре еще куча девиц, которые с радостью раздвинут передо мной ноги и получают все преимущества для своей семьи, если этого не сделает она.

Рейна смотрит прямо на меня. У нее глаза необычного цвета – бледные, серо-зеленые, как у русалки. Если бы их обладательница не хотела убить меня и похоронить мое расчлененное тело в неглубокой могиле, они могли бы зачаро-

вать.

– Звучит отвратительно.

– Добавь его в свой список.

Моя ухмылка становится последней каплей, после которой она срывается.

– Ладно. Хочешь правду? Я скажу тебе правду. Моя племянница – хорошая девочка. Она заслуживает гораздо больше, чем быть проданной без спроса за самый щедрый куш. Гораздо больше, чем мужчина, который женится на ней ради денег, положения и власти. Она заслуживает любви, восхищения и уважения за свои качества. И она точно не заслуживает остаться без права голоса. Или выбора. Или своей собственной жизни!

– А что заставляет тебя думать, что у нее не будет своей жизни, если мы поженимся?

Рейна моргает. Медленно. Будто в своей жизни не слышала большей глупости.

– Или что я не буду уважать ее?

– Ну, теперь вы просто издеваетесь надо мной, мистер Куинн, – Рейна произносит, кривя губами.

– Паук.

Застыв в недоумении, она переспрашивает:

– Что, прости?

– Зови меня Паук.

– С какого это перепугу?

– Потому что меня так зовут.

Раздается ее смех. Это прекрасный звук. А еще, кажется, он застает ее врасплох, потому что она резко прекращает смеяться с таким видом, будто сама не понимает, как она позволила чему-то столь приятному слететь с ее губ.

– Тебя зовут... *Паук*?

– Ага.

– Твоя мать тебя ненавидит?

– Нет.

– Но она назвала тебя в честь насекомого?

– Кличка такая. И пауки не насекомые.

Из-под хмурых бровей меня буравит немигающий взгляд.

– Почему ты пялишься на меня, словно у меня рог на лбу вырос?

– У меня чувство, что с утра я упала с кровати и заработала сотрясение.

– Это бы объяснило, почему ты так на меня кидаешься, – посмеиваюсь ей в ответ.

Она открывает рот в попытке парировать, но, осекшись, закрывает его.

– О, поглядите. Маленькая ехидна не знает, что сказать. Могу поспорить, такого и старожилы не припомнят.

– Если бы ты говорил по-английски, а не по-идиотски, у нас бы не было никаких проблем.

– О, показала зубки.

Ее русалочьи глаза сверкают злобой.

– Хватит. Надо мной. Потешаться.

– А то что? Засадишь этот нож для писем мне в грудь?

Холодный взгляд скользит по лезвию на столе ее брата, затем снова поднимается на меня. То, как уголки ее губ поползли вверх, подсказывает, что идея меня пырнуть не выходит у нее из ума.

– Вперед. Я не прочь хорошенько посмеяться.

– Смеяться придется недолго. Считаю эту встречу оконченной.

– Жаль раскрывать тебе глаза, подруга, но ты тут не главная.

Вот это понимает ее по-настоящему. Красные пятна разливаются у нее на шее и ползут выше, сливаясь с румянцем на ее щеках. Она сухо произносит:

– Очевидно, больше нам говорить не о чем.

– А вот это уже самая большая глупость, что я слышал с тех пор, как сюда пришел.

– Если не перестанешь ухмыляться, за дальнейшее я не отвечаю.

В ответ наклоняю голову и присматриваюсь к ней.

– Дело в мужчинах вообще, да? Ты ненавидишь мужчин.

Ее жестокая улыбка была бы к лицу самому Сатане.

– Только тех немногих, кто этого заслуживает.

Мы можем продолжать эту перепалку до тех пор, пока ад не замерзнет. Приходится перейти к делу сразу.

– Я восхищаюсь вашей преданностью племяннице, мисс Карузо, но мне нужна жена, не рабыня. Если мы с Лилианой

поженимся, она сможет делать все, что ей угодно, пока это не мешает бизнесу и не оказывает негативного влияния на меня лично.

Она изучает меня, пытаясь понять, вру я или нет. Потом, будто бросая мне вызов, спрашивает:

– Лили сможет пойти в колледж?

Этот вопрос меня удивляет.

– А она хочет пойти в колледж?

– Ее приняли в Уэллсли. Это школа исключительно для девочек...

– Я знаю, что это.

– так что тебе не придется волноваться, что вокруг будут другие мальчики.

Мой взгляд падает на ее губы. Полные, роскошные алые губы, которые, по всей видимости, используются в основном для того, чтобы изливаться ругательствами. А жаль. Они бы очень красиво смотрелись, растянувшись на головке члена.

– Я не мальчик, – мягко поправляю ее.

Теперь она будто смущена, но пытается этого не показывать.

– Что еще? Можешь вываливать все, пока мы тут одни.

– Что же, хорошо. Ты пьешь?

– Не перебираю, если ты об этом.

– Любишь показывать характер?

– Все мужчины любят показывать характер.

Рейна фыркает.

– Мне ли не знать. Я имею в виду, ты бываешь агрессивен?

– Я правая рука главаря ирландской мафии. Как думаешь, я бываю агрессивен?

Она сглатывает, прячет взгляд, но потом снова смотрит прямо на меня. Облизывает губы.

– Я... Я имела в виду, с женщинами.

Так вот в чем все дело.

Вновь смотрю на ее руки, на темное чернильное кольцо на безымянном пальце, и наконец понимаю, к чему весь этот допрос.

– Я не твой мертвый муж, – тихо увещаю я.

Ее тело пробивает дрожь, будто от разряда тока. Глаза округляются. Она делает шаг назад, а потом, опомнившись, замирает на месте, расправляет плечи и вздергивает подбородок.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты уже третий раз лжешь мне, маленькая ехидна. Больше так не делай.

Наши взгляды наливаются таким огнем, будто между нами натянута невидимая жила, посылающая разряды энергии по цепи. Мы смотрим друг на друга в искрящейся тишине, пока мой член твердеет, а у нее на шее пульсирует вена.

С безупречной сдержанностью и ледяной вежливостью Рейна заявляет:

– Я не подчиняюсь приказам, мистер Куинн. И не называю взрослых мужчин глупыми прозвищами, а также не одоб-

ряю, когда их дают мне. Хотя должна признать, что «ехидна» — довольно подходящее слово, но «маленькая» тут совершенно неуместно. Я ничем не уступаю этим тварям.

Она разворачивается и идет к двери, качая бедрами. Потом останавливается и поворачивается ко мне. От расплывающейся на лице ядовитой улыбки ее русалочьи глаза еще ярче сверкают ледяным блеском.

— А еще вам не стоит забывать, что ехидны опасны... И едят пауков на завтрак.

Затем открывает дверь и выходит из кабинета, высоко подняв голову, оставив меня одного. Одного и с довольной ухмылкой на лице. Впервые с того момента, как попал в этот дом, я рад быть здесь.

3. Рей

К тому моменту, когда Киран с Джанни возвращаются из зала с коллекцией яиц Фаберже, мне удастся остудить свою кипящую смертоносную ярость до более управляемой черной ненависти.

С черной ненавистью я прожила почти всю свою замужнюю жизнь, поэтому знаю, что в ближайшее время не нанесу тяжелых телесных увечий ухмыляющемуся самодовольному ирландцу. Однако мне еле удалось сдержать себя, когда он упомянул о ноже для писем. Чуть не сыграла в Джека Потрошителя с его жалкой задницей. Я была на волоске.

– Все в порядке? – интересуется Джанни, нервно заглядывая в дверь кабинета.

Выдыхаю, стараясь не быть похожей на убийцу с топором, хотя внутри так себя и ощущаю.

– Да. Мы с мистером Куинном закончили нашу беседу. Как вам понравилась коллекция, Киран?

– Эм... – он кашляет в кулачок, – просто смерть как красиво.

Джанни сияет, не понимая, что, если бы во время экскурсии кто-нибудь дал Кирану веревку, последний бы всерьез задумался, не стоит ли вздернуться на ближайшем стропиле.

– Потрясающая, правда? – тепло обращаюсь я к ирландцу. Мы обмениваемся многозначительными взглядами. Ки-

ран пытается скрыть улыбку, прикусив щеку.

От звука шагов, эхом отдающихся от мрамора, у меня учащается сердцебиение.

Из-за угла в конце коридора появляется Лили. На ней голубое платье, щеки залиты румянцем, а глаза судорожно бегают. Когда она видит Кирана, то слегка запинается, но быстро берет себя в руки и цепляет улыбку на лицо. Ее руки, висющие вдоль тела, сжаты в кулаки.

Спокойно, tesoro. Ни за кого ты замуж не выйдешь, и уж точно не за ублюдка в кабинете твоего отца.

До сих пор не могу поверить, что он это сказал. «Я не твой мертвый муж». Как будто сукин сын мысли мои читает. Меня давно так не выбивали из седла.

Нервный взгляд Лили останавливается на мне. Я слегка наклоняю голову, делаю едва заметное движение двумя пальцами правой руки и вижу, как моя племянница с облегчением вздыхает.

– О! Вот и она!

Джанни протягивает руки. Лили спешит к нему. Он целует ее в обе щеки, потом поворачивается к Кирану.

– Мистер Бирн, хочу познакомить вас со своей дочерью, Лилиан. Лили, это мистер Бирн.

Застенчиво улыбаясь, Лили тихо здоровается.

– Пожалуйста, зови меня Киран. Приятно познакомиться, красавица.

Он протягивает ей ладонь размером с перчатку для бейс-

бола. Перепуганная Лили смотрит на меня в надежде на подсказку. Она никогда не касалась мужчин за пределами ближайшего семейного круга. Разумеется, не считая парня, представшего у нее в шкафу в спальне. Судя по степени его оголенности, они зашли гораздо дальше, чем прикосновения рук. Но к этой проблеме я вернусь, как только разберусь с текущей.

Увидев мой поддерживающий кивок, Лили неуверенно протягивает руку. Она тонет в лапе Кирана, исчезнув в его мясистой хватке.

С торжественным и почтительным видом Киран произносит:

– Не бойся, подруга. Выглядит он страшно, но он котик, зуб тебе даю.

Сдавленно фыркаю в ответ. *Котик, ну, конечно. Твой приятель – бешеный пес.*

Заметив выражение на моем лице, Лили протягивает:

– Эм...

– Да, уверен, Лили получит огромное удовольствие от общения с мистером Куинном, правда, *bambolotta*?

Джанни использует ласковое прозвище как поощрение. Мне хочется вцепиться ему в глотку.

– Да, папа.

– Мы уже готовы зайти, Рейна?

Беру Лили за одну руку. Ее отец – за другую. Мы идем по обе стороны от нее и ведем в кабинет – как агнца на за-

клание.

Господи, какая же гадкая эта традиция договорных браков. От осознания, что Лили будет спасена от оскорбительной необходимости выходить замуж за конкретно этого ирландского громилу, называющего себя насекомым, мне немного легче. Но наивно полагать, что вместо него не появятся другие. Как бы мне ни хотелось, я не в силах защищать Лили вечно.

В Коза Ностре до сих пор царят темные века. Женщины ценятся только за способность вынашивать наследников, хорошо готовить или быть симпатичным спермоприемником. Одного этого достаточно, чтобы свести женщину с ума. Или сделать убийцей.

– Мистер Куинн, – произносит Джанни с такой сияющей улыбкой, что ее, наверное, из космоса видно. – Позвольте мне представить вам мою дочь, Лилиану.

Паук – не могу поверить, что позволила себе так его называть, – смотрит на Лили без тени эмоций на лице. С таким же интересом обычно смотрят на кусок сыра в супермаркете.

Удивительно. Лили – невероятно красивая девушка. Большинство мужчин начинает пускать слюни, как только ее видит.

Но не этот. Он едва окидывает ее взглядом с ног до головы и небрежно бросает:

– Привет.

Джанни в панике бросает многозначительные взгляды в

мою сторону, но на них я совсем не могу ответить, потому что усиленно борюсь с желанием пуститься в пляс. Будет гораздо лучше, если Куинн сам отменит договор. Хотя Джанни согласился оставить последнее слово за мной, он бы вытрепал мне все нервы, пока все не решится. Меня бы ждали качели из детской обиды и взрывов ярости, пока брат не нашел бы нового соискателя для Лили. А моя жизнь превратилась бы в ад. Я бы с готовностью пошла на эту жертву, но ад есть ад. Но если Куинн сам не захочет Лили...

Может быть, Бог все-таки существует.

Ой, не смеши меня.

— Лили, это мистер Куинн. — От нервов у Джанни чересчур повышается голос.

Затем он откашливается и сердито приказывает:

— Поздоровайся!

С преувеличенной скромностью, глядя себе под ноги, Лили бормочет под нос:

— Здравствуйте, мистер Куинн. Очень рада с вами познакомиться.

Увидев, как ирландец продолжает молча стоять, как статуя, и шуриться на Лили, Джанни грубо тыкает ей локтем в ребра.

— Я... Эм, я надеюсь, что нам удастся познакомиться поближе. Мне так не терпелось... пообщаться с вами. Эм. Сегодня.

Куинн не произносит ни слова.

Джанни явно хочется вскрыть себе вены.

Похоже, денек выйдет отличный.

Немного подтолкнув Лили к Куинну, Джанни тараторит:

– Почему бы двум голубкам не поболтать на диванчике?

Мы с Рейной оставим вас наедине...

– Мы не можем оставлять их вдвоем, – твердо возражаю я.

Ирландец смотрит на меня, вскинув бровь.

В ответ изображаю свою лучшую улыбку в стиле «не-обращайте-на-меня-внимания-я-просто-глупая-женщина».

– Лили нельзя оставаться наедине с мужчинами. Ей нужна компаньонка. Верно, Джанни?

Поскольку он сам придумал это идиотское правило, то не может противоречить. Но ему явно хочется запустить чем-нибудь мне в голову.

– Верно, – цедит он сквозь стиснутые зубы. – Уверен, вы понимаете, мистер Куинн. Извините, но мы старомодны.

– Правда? – протягивает Паук, глядя на меня.

Его ореховые глаза полуприкрыты. Уголки губ слегка приподняты, будто он отпустил в пику мне уморительную шутку, понятную только ему.

Кипящая ярость, недавно едва утихшая, снова начинает реветь во мне, обжигая нервные окончания и заливая лицо краской.

Он это замечает и улыбается.

А потом берет Лили за плечо – *за плечо!* Как свою собственность! – и уводит ее без единого слова.

Как только они отходят достаточно далеко, Джанни поворачивается ко мне и шипит:

– *Che palle!*

– Остуди свой пыл, братец. Мы точно не оставим Лили одну с этим...

Я вспоминаю его голодные глаза и как он только что смотрел на меня, будто готов съесть заживо:

– Хищником.

Тем более я уже решила, что свадьба состоится только через мой труп.

– Мы не можем искушать судьбу, оскорбляя его!

Припомнив нашу маленькую недавнюю перепалку, мне еле удается сдержать улыбку.

Слишком поздно.

Кипящий от злости Джанни поправляет галстук и смотрит в сторону Куинна и Лили, усевшихся на бархатной оттоманке в противоположном конце комнаты. Ее руки сложены на коленях, ноги скрещены в районе щиколоток, а взгляд упирается ему в ноги, как будто его ботинки оказывают гипнотический эффект. У него огромные, черные кожаные оксфорды, которые он наверняка делал на заказ, настолько они гигантские. Их размер пугает. К слову, руки у него тоже огромные.

У моего мужа были маленькие руки, а ноги еще меньше. На фоне конечностей Куинна они показались бы кукольными. В полном соответствии с его крошечным пенисом.

Отказываюсь думать, что это может значить, если у ирландца ступни как лыжи.

– Во всяком случае, – вспыхнув, пытаюсь приободрить брата, – он больше не строит эту жуткую рожу. Ты видел, как он посмотрел на нее, когда их представили?

– Я подумал, что он прямо сейчас выйдет за дверь, – с отвращением качает головой Джанни. – Что с ним, черт возьми, не так? Лили красавица!

– Может, он гей.

– Пф-ф-ф. Посмотри на него. Как он себя держит, как распускает хвост...

Как смотрит на мои губы.

Нервно сглатываю, когда у меня внезапно пересыхает во рту.

– Он король-лев, – продолжает Джанни, – а не какой-то петух.

Фраза заставляет меня сморщиться.

– Пожалуйста, не используй это слово. Оно ужасно оскорбительное.

Мой брат закатывает глаза и бормочет.

– Ох уж эта твоя любовь к глиномесам.

– Это еще хуже! Ради всего святого, Джанни, ты не мог бы хоть раз в жизни не быть таким ограниченным?

Мои просьбы оказываются тщетны.

– Посмотри, она смеется. Это же хороший знак, *giusto?*

Звонкий смех Лили доносится до нас через всю комнату.

Он искренний, не вымученный, это точно. Она не пытается проявить вежливость, ей действительно смешно от слов ирландца, произнесенных, видимо, в попытке продемонстрировать свой ум.

В этот же момент Паук оборачивается, ловит на себе мой взгляд и подмигивает.

Он, мать твою, подмигивает!

А потом скалится, сверкая ровным рядом белоснежных зубов.

Вот бы вырезать этому подонку печень.

Джанни бормочет:

– Ну, настроение у него определенно улучшилось.

С тяжелым вздохом он поднимает взгляд к потолку:

– Господи, да не пялься ты на него.

Но я не могу не пялиться на него. Его смеющиеся глаза как тяговые лучи, влекущие за собой.

Никто не смеется надо мной. *Никто.* Никогда. Все упорно избегают моего взгляда, будто я – Медуза, а они боятся обратиться в камень.

Но этот золотистый лев, который называет себя жуком и выглядит как супергерой из комиксов, не избегает моего взгляда. Он ухватывает его и удерживает в заложниках. Вдобавок ирландец определенно не боится надо мной смеяться. На самом деле, мне кажется, теперь это его новое любимое хобби. Даже не знаю, что об этом подумать.

Может, все ирландцы сумасшедшие? Не доводилось рань-

ше общаться ни с одним из них. При слове «Ирландия» мне в голову приходят только клевер с четырьмя листочками, лепреконы и зеленое пиво.

Теперь можно прибавить грубых мужчин с большими ногами.

Хотя Киран кажется милым. И совсем не грубым.

Оглядываюсь через плечо и нахожу взглядом его в коридоре: охранник стоит, пихнув руки в карманы, и морщит нос, глядя на фрески на стенах. Он качает головой и бормочет:

– Ну и чертова дичь...

Отворачиваюсь. Жаль, что он занимает не слишком высокое место в преступной иерархии. Его бы еще можно было вытерпеть в качестве жениха. Но он явно слишком низкого ранга, чтобы быть полезным для Джанни.

Хотя Куинн всего лишь правая рука, Джанни прекрасно знает, как быстро в нашем мире сменяется руководство. Наш собственный отец был самой главной шишкой, пока безжалостный соперник его не убрал. Хватит одной пули, чтобы продвинуть Куинна на самый верх. Или убрать. Мысль вызывает у меня улыбку.

Увидев это, ирландец, все время не сводящий с меня глаз, облизывает губы.

Отрываю от него взгляд и пытаюсь вспомнить, перезарядила ли я свой пистолет в прикроватной тумбочке после того, как почистила.

Лили с громилой болтают еще минут двадцать, пока мы с

Джанни терпеливо ждем у двери. Потом он встает и приглашает Лили последовать его примеру.

– Они идут! – судорожно бормочет Джанни, видя их приближение.

Выражение у Лили спокойное. Она очень старается не показывать эмоций. Разумеется, потом она расскажет мне об их разговоре все, но пока остается лишь надеяться, что для нее все прошло не слишком болезненно.

Лицо ирландца тоже не выражает никаких эмоций, но что-то в его взгляде мне не нравится. Если он потребует доказательств девственности Лили прямо в ее присутствии, я выдеру его гигантскую ногу из задницы и забью его до смерти.

Господи, Рейна! Соберись!

Если честно, то у меня годами так не сносило крышу. Этот мужчина разбудил во мне зверя. Слава богу, что финальное слово за мной, ведь если бы он стал членом семьи и мне пришлось взаимодействовать с ним на регулярной основе, я бы начала на стены лезть и визжать, как бабуин.

Протягиваю руку к приближающейся Лили. Она хватается за нее и встает рядом, так тесно и крепко прижавшись ко мне, будто хочет спрятаться под юбку.

Куинн останавливается в нескольких шагах от нас и смотрит на Лили из-под ресниц. Потом он смотрит на Джанни. Потом – на меня.

И после медленно расплывается в сладкой улыбке.

– Мистер Карузо, – протягивает он, глядя на меня. – Спа-

сибо, что дали нам с Лили время пообщаться наедине.

Он называет ее Лили? Никто ее так не называет, кроме членов семьи! Ну и наглая тварь.

Джанни в таком восторге от перемены в настроении ирландца, что готов обоссаться.

– Ну конечно! Я так понимаю, все прошло хорошо?

Ирландец заставляет его еще немного понервничать, но потом кивает.

Черт.

Джанни издает отчетливый вздох облегчения. А потом хлопает в ладоши так громко, что Лили подпрыгивает.

– Прекрасно!

– Но не мог бы я еще раз с вами переговорить? Наедине?

– Разумеется!

Джанни подталкивает нас с Лили, пытаясь поскорее выдворить из кабинета. И сразу жалеет об этом, когда я рычу на него. Хотя это нисколько не умаляет его восторга.

– Идите, идите, – шепчет он, выпроваживая нас. Как только мы переступаем порог, дверь за нами захлопывается с такой силой, что на стене дрожат картинные рамы.

Киран замечает мое побагровевшее лицо и посмеивается.

– Дам вам, девочкам, немножко выдохнуть. Там за углом картина с младенцем Иисусом, так я просто до смерти хочу на нее поглядеть.

Посвистывая, он уходит дальше по коридору.

Как только он исчезает из виду, я поворачиваюсь к Лили,

обнимаю ее и начинаю извиняться:

– Ты в порядке, *tesoro*? Мне так жаль, что тебе пришлось через это пройти. Нужно было получше подготовить тебя к этому моменту. Если бы я только знала, что он приедет, мы могли бы сперва поговорить. Я могла бы поддержать тебя...

– Все в порядке, – прерывает меня она, высвобождаясь из объятий. – Все было не так плохо, правда.

Мой взгляд сочится недоверием.

– Я знаю, ты так говоришь, чтобы я не волновалась.

– Нет, правда. На самом деле он был довольно мил.

Я чуть не падаю.

– *Мил?*

Лили лишь пожимает плечами в ответ.

– Ну и что он тебе сказал?

– Он спрашивал про мои увлечения, какая мне нравится музыка, про мою любимую еду. Всякое такое. О, и про колледж. Его почему-то очень интересовало, что я хочу изучать. Когда я ответила, что уголовное право, он рассмеялся.

– Он над тобой посмеялся! – разгоряченно говорю я.

– Я так не думаю. Он сказал, что ему нравится ирония ситуации. Что из меня выйдет хороший юрист.

Мне скоро понадобится помощь, чтобы оторвать челюсть от пола.

– Если он был так мил, то почему ты юркнула ко мне как испуганная мышка?

Ненадолго повисает пауза.

– Понимаешь... Ты его видела? Этот парень просто пугает. Такой огромный... И, я не знаю... *Вообще*. Мне казалось, я могу забеременеть, просто сидя рядом с ним.

Я в ужасе крещусь.

– Никогда не произноси это слово вслух, – в ужасе пере-крещиваюсь я.

– Уверена, ты все равно уже все уладила. За тобой же последнее слово, верно?

– Да.

– И, очевидно, тебя от него тошнит, и ты не позволишь папе нас поженить, верно?

– Да.

– Тогда почему тебя так трясет?

Это очень, очень хороший вопрос.

– Меня... Ничего меня не трясет.

Я приглаживаю волосы и ободряюще на нее смотрю. Моя племянница закатывает глаза:

– *Zia*, пожалуйста. У тебя почти что пена на губах.

Не обращая внимания на этот комментарий, сбавляю тон и спрашиваю:

– Ты уладила проблему со шкафом?

Щеки Лили вспыхивают. Она опускает глаза и кивает, таинственно улыбаясь.

– Как ты его вывела?

– Кухонный лифт.

Неожиданная простота и неочевидность решения вызыва-

ет у меня непроизвольное «ах».

– Ты запихала несчастного мальчика в кухонный лифт? Тебе пришлось сначала переломать ему все конечности?

По румянному лицу расплзается улыбка:

– Он говорит, что это того стоит.

С моих губ неконтролируемо сочится сарказм:

– Не сомневаюсь.

А потом до меня доходит:

– О нет. Это уже не первый раз, да?

Она поднимает на меня глаза и морщится.

– Неважно, я не хочу знать. Просто обещай мне, что последний.

Увидев сомнение на ее лице, с жаром продолжаю:

– Лили, тебе нельзя больше водить его в дом. Твой отец повесит его набитую соломой голову на стену с трофеями.

– Я знаю, – шепчет она, и ее улыбка тает.

– Да и кто он вообще?

– Сын Тимо.

– Тимо? Садовника? – спрашиваю я, напрягая память.

– Чистильщика бассейна. Хуан Пабло иногда тут помогает отцу. Так мы и познакомились.

Ее лицо снова освещает улыбка:

– Я загорала рядом в желтом бикини.

Господи боже. У дочери дона мафии роман с латиноамериканским чистильщиком бассейнов. Мы как в ширпотребном сериале.

У меня уже назревает вопрос про контрацепцию, когда дверь кабинета Джанни открывается. Они с ирландцем выходят.

– Спасибо вам еще раз за визит, – говорит Джанни, избегая моего взгляда. – Было очень приятно.

– Взаимно.

Куинн останавливается передо мной и Лили. Он очень формально и серьезно обращается к ней:

– Был очень рад с тобой познакомиться, Лили. Спасибо, что побеседовала со мной.

Она льнет ко мне.

– Не за что. И вам тоже спасибо.

Ирландец кивает, а потом останавливает взгляд на мне. Его ореховые глаза загораются.

– И, Рейна...

От мягкости голоса у меня бегут мурашки по коже.

– Было очень... интересно познакомиться с вами.

Он протягивает руку. Мой взгляд тут же падает на нее. Ощеренная зубастая пасть крокодила показалась бы более дружелюбной. Моя ладонь же безропотно проскальзывает в его руку. Не дрогнув, я встречаю его взгляд. Королевы не боятся тупых рептилий.

Или пауков.

– До свидания, мистер Куинн. И доброго пути. Местные дороги опасны в темноте.

По его улыбке понятно, что угроза принята к сведению.

На мгновение ирландский громила удерживает мою руку и мой взгляд, а потом резко обращается к Джанни:

– Я найду выход.

– О нет, я провожу вас! – протестует Джанни. Его возражения сталкиваются с глухой стеной – ирландец уже шагает в сторону двери, расправив плечи и вздернув подбородок, гордый, как тореадор.

Как только его силуэт исчезает за углом, я равнодушно заявляю:

– Я не одобряю. Брак отменяется.

Брат с триумфом отвечает:

– К сожалению, *sorellina*, это невозможно.

В моем голосе звучит сталь:

– О чем ты говоришь?

– Договор уже подписан. И дата свадьбы тоже назначена.

Лиана и мистер Куинн поженятся в следующем месяце.

Лили в ужасе вскрикивает и закрывает рот руками. В ярости я накидываюсь на своего брата.

– Ты сказал, что дождешься моего одобрения! Сказал, что выбор будет за мной!

Уголки его губ криво приподнимаются:

– Ты не одна умеешь врать в этой семье.

Джанни стремительно разворачивается на каблуках и запирается в своем кабинете. По коридору эхом разносятся горькие рыдания моей племянницы.

4. Паук

Как только мы сворачиваем с подъездной дорожки Карузо, Киран заливается смехом.

– Над чем ржешь, придурок?

Он фыркает:

– Да над тобой и твоей рожей, когда ты только увидел мистера Славного Парня! Tobой можно было детей пугать! Я думал, ты ща начнешь его по щекам хлестать, пока башка не отлетит!

– Ага. Я был близок. В жизни таких мудил не видел.

Мой напарник в приступе хохота колотит кулаком по рулю.

– Это было что-то! Он обделаться был готов от твоего вздоха. А так кланялся и шаркал ножкой – будто на прием во дворец попал! Чуть до инфаркта его не довели! Деклан помрет со смеху, как услышит. Просто умора.

Киран весело вздыхает, качает головой. Внезапно его лицо каменеет:

– Эх, а вот сестра его лакомый кусочек, да? Малец страшновато, что она не прочь тебя прирезать, но кусочек все равно лакомый.

Он присвистывает:

– Не хотелось бы попасть ей под руку, но я бы дорого отдал, чтобы увидеть ее в исподнем. Шишка задымилась от од-

ного взгляда на нее!

– *Не у тебя одного. У меня член до сих пор каменный.*

– Захлопнись ненадолго, братан. А то башка раскалывается.

Просьба падает на глухие уши:

– Но ужасно жаль бедную *cailin*! Несчастливая милая девушка. Представь, что твой отец готов выставить собственную кровинушку на торги, как призового пони!

Киран продолжает презрительно ворчать:

– Но, видимо, так у них принято, да? Дикари они там все. Ну, мы еще легко отделались от этих сволочей. Рад, что мы с ними распрощались.

– Мы не распрощались.

Мой напарник встревоженно поднимает взгляд на меня.

– Ты о чем?

– Я подписал договор. Мы с Лилианой поженимся через тридцать дней.

Киран чуть не съезжает в кювет.

– У тебя совсем крыша поехала?

– Не врежься в столб.

Резким виражом машина возвращается на середину дороги. Чертыхаясь себе под нос, Киран снова набрасывается на меня:

– Ты же это не серьезно, Паук! Как можно даже подумать о таком! Тебе самому не стремно?

– Почему должно быть стремно?

– Мы с тобой сейчас не на одной и той же встрече были? Карузо – жалкий лизоблюд. Сестра хочет язык тебе оттяпать! Они живут в доме, где стены разрисованы порнографией с феями!

Он на таком взводе, что готов тут же взорваться на моих глазах.

– Это все неважно. Лили – милая девушка. Из нее получится прекрасная жена. Условия договора отличные. Я соглашаюсь.

Оставив последнее слово за собой, закрываю глаза и укладываюсь на подголовник, пытаюсь избежать ошарашенного взгляда Кирана. Тем не менее его захлебывающиеся протесты все никак не останавливаются:

– Но... Тебе хоть нравится эта *cailin*? В смысле... Она тебя привлекает?

Нет. Поэтому вариант и идеален. Последнее, что мне нужно, – жена, которая меня привлекает.

Как Рейна, например.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.